

А. Д. Пантелеев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия. a.pantelev@spbu.ru

ТРАСИЛЛ, ФИЛОСОФ И ЛИЧНЫЙ АСТРОЛОГ ТИБЕРИЯ

Статья посвящена изучению античной традиции о жизни и деятельности александрийского философа, грамматика и астролога Трасилла. Сначала он был личным астрологом Тиберия, но со временем добился его дружбы и стал доверенным лицом императора. Мы полагаем, что не следует преувеличивать степень его влияния на политические решения Тиберия. Хотя он породнился с влиятельными фигурами при дворе, в частности, с Макроном, который играл очень важную роль при Тиберии в последние годы его жизни и обеспечил переход императорской власти к Калигуле, Трасилл не принимал участия в этих интригах. Скорее, он выполнял роль придворного философа; его учение о Логосе могло вызвать интерес фаталиста Тиберия, а кроме того, оно давало фундамент для философского обоснования астрологии.

Ключевые слова: Тиберий, Трасилл, Римская империя, астрология, философия.

A. D. Pantelev

St. Petersburg University, Russia. a.pantelev@spbu.ru

Thrasyllus, philosopher and personal astrologer of Tiberius

The article is devoted to the study of the Greek and Roman sources about the life and work of the Alexandrian philosopher, grammarian and astrologer Thrasyllus. Initially he was Tiberius' personal astrologer on Rhodes, but over time he achieved his friendship and became a confidant of the emperor. The extent of Thrasyllus' influence on Tiberius' political decisions should not be exaggerated. Although he was related to influential figures at court, in particular with Quintus Macro, who played a very important role under Tiberius in the last years of his life and ensured the transfer of imperial power to Caligula, Thrasyllus did not take part in these intrigues. Rather, he played the role of a court philosopher; his teaching about the Logos could arouse the interest of the fatalist Tiberius, and besides, it provided the foundation for the philosophical justification of astrology, which was a hobby of the emperor.

The reported study was funded by RSF, project number 23-28-01360.

Keywords: Tiberius, Thrasyllus, Roman Empire, astrology, philosophy.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01360, <https://rscf.ru/project/23-28-01360/>

В эллинистическое и римское время, особенно в эпоху Империи, действовало множество индивидуумов и групп, претендовавших на особую связь со сверхъестественным миром. Современные ученые, анализируя религиозную жизнь античного мира, выделяют в отдельный класс профессионалов-одиночек, которые использовали свои знания и умения для получения финансовой выгоды и социальных благ и не были связаны с традиционными авторитетными религиозными центрами или коллегиями. Многие из них были иноземцами, эксплуатировавшими интерес аудитории к мудрости, учениям и необычным или экзотическим ритуалам, они обращались к богам и подобным сущностям — демонам, божественной пневме, духам мертвых. Клиенты прибегали к их помощи для гаданий, посвящений в новые или иноземные мистерии, знакомства с эзотерическими учениями, совершением необычных жертвоприношений, наконец, исцеления от болезней.

К этой категории следует отнести и астрологов, ведь в основании их учения лежал мифологический принцип, переносящий имя и характер бога на то или иное небесное тело. В отличие от членов римских жреческих коллегий или полисных священнослужителей, чей авторитет основывался на институциональной принадлежности, социальном статусе и политической власти, эти профессионалы добивались признания благодаря эксклюзивным знаниям, личному мастерству и навыкам убеждения. Как правило, они предлагали религиозные услуги, обещавшие результаты, которые были труднодостижимы или вовсе недостижимы посредством нормативных религиозных практик. Самостоятельность и самопровозглашенность этих экспертов не означала отказа от контактов с другими религиозными деятелями или центрами: многие, по-видимому, сотрудничали с подобными себе, а также с другими группами и институтами, в том числе и традиционными (Wendt 2016: 10–11). Яркие примеры такого рода деятелей — Х. Вендт называет их *freelance experts* — встречаются в сочинениях Петрония, Ювенала, Апулея, Лукиана и других античных авторов, а кроме того, в юридической традиции как объекты всевозможных запретов и изгнаний из Рима и Италии. Возможно, что в первые века так могли восприниматься и некоторые из иудеев и христиан, например, Перегрин-Протей в христианский период своей жизни или даже апостол Павел (Пантелеев 2021).

Эти эксперты всегда присутствовали в жизни древнего мира, но в эпоху эллинизма их популярность начинает расти. В

итоге они коренным образом изменяют рынок религиозных услуг, вытеснив на периферию греческие Дельфы, Элевсин, Дидимы, Кларос и другие авторитетные храмовые центры, а в Риме — жреческие коллегии авгуров и гаруспиков. Большую часть XX в. эти фигуры рассматривались как забавные курьезы, как маргинальные носители «незаконной» или «подрывной» религиозной традиции, как символы культурного упадка или начала социальных изменений к лучшему или к худшему (MacMullen 1966; Smith 1978; Potter 1994). В последние годы ситуация изменилась, появились специальные исследования отдельных категорий этих экспертов, взаимосвязей между ними и их социального контекста, что позволило говорить об этой группе в целом и заметить сходство, например, между астрологами и магами (Wendt 2016: 6–7). Мы рассмотрим яркий образец такого рода специалиста-«фрилансера» — Трасилла, придворного астролога Тиберия, изучим свидетельства о его жизни и деятельности, попробуем определить сферу и пределы его влияния на императора и постараемся вписать его в широкий контекст изменений в религиозной жизни Рима на рубеже эр.

Астрология издавна была знакома эллинам, но особой популярностью не пользовалась (Hdt., II, 82; Aul. Gell. *Noct. Att.*, XV, 20 et al.). Ситуация изменилась в эпоху эллинизма, когда начали появляться греки-астрологи: первым был Архинопол, ученик Беросса, за которым последовали Эпиген из Византия, заявивший, что учился у халдеев, и Критодам, рассматривающий свое учение как мистерии (Barton 1994: 21–23). Астрологи часто входили в близкое окружение эллинистических царей. Тот же Беросс посвятил свою «Историю Вавилона» Антиоху I (Tat. *Orat.*, 36). У Селевка I был астролог Лептин (Val. Max., V, 7, 1), а сам он поручил магам выбрать день и час основания Селевкии (App., XI, 58). Пергамского царя Аттала I консультировал Судин, который занимался и другими дивинаторными практиками, в частности, он обеспечил получение благоприятного пророчества во время войны с галатами. Судин был автором комментария к поэме Арата «О небесных явлениях» и трактата о свойствах камней (Pol. *Strat.*, IV, 20; Front. *Strat.*, I, 11, 14–15; Strabo, XVI, 1, 6; Plin. *NH*, IX, 115; XXXVI, 59; XXXVII, 90). Астрологические символы появляются в эту эпоху в надписях и декоре дворцов и храмов (Cramer 1954: 13; Barton 1994: 47).

В римской литературе астрологи упоминаются со II в. до н. э. (Ennius apud Cic. *Resp.*, I, 18, 30). В 139 г. до н.э. из Рима и

Италии были изгнаны звездочеты и последователи культа Юпитера Сабазия (Val. Max., I, 3, 3; Ripat 2011); скорее всего, и тогда, и позже магистраты видели в этих выходцах с Востока потенциальный источник волнений и беспорядков (MacMullen 1966: 155–156; Barton 1994: 32). Очевидно, исходя из этих же соображений, Катон Старший запрещает вилику иметь дело, среди прочих гадателей, с астрологами (Cato Agr., I, 5, 4), и как показали последующие события, его предусмотрительность не была излишней: во время второго восстания рабов на Сицилии в 104–101 гг. до н.э. одним из его лидеров стал некий киликиец Афинион, пользовавшийся репутацией опытного астролога (Diod., XXXVI, 5, 1–4). Наконец, Цицерон в «О дивинации» устами Квинта, отстаивавшего возможность предсказаний, критикует «толкущихся у цирка астрологов» как шарлатанов (снова со ссылкой на Энния — Cic. *De div.*, I, 58, 132), и позже те же персонажи появятся у Горация (*Sat.*, I, 6, 112–113) и Ювенала (*Sat.*, VI, 582–584). В 33 г. до н.э. Агриппа, будучи эдилом, вновь изгнал из Рима астрологов и колдунов (τοὺς ἀστρολόγους τοὺς τε γόητας. — Dio Cass. XLIX, 43, 5).

Астрология, как и другие подобные явления, в Риме была связана не только с низами общества, напротив, ей интересовались и многие аристократы (Wendt 2016: 8). Отчасти это увлечение было следствием популярности греческой культуры и философии среди римских сенаторов и всадников. Стоики Диоген Вавилонский и Посидоний благожелательно отзывались об астрологии, впрочем, философов больше интересовали вопросы о судьбе, о принципиальной возможности предсказания будущего и о свободе воле, а не личные гороскопы. Об астрологии рассуждает Цицерон, в целом склоняясь к скептическому отношению к ней (Cic. *De div.*, II, 42, 87–44, 94); впрочем, в молодости сам он перевел «Явления» Арата на латынь (Антонец 2021). Не меньшее, если не большее значение для распространения астрологии имели социальные и политические трансформации в государстве и обществе. Попытки ее использовать в сфере политики можно заметить уже у первых римлян, занимавшихся астрологией. Это были друзья Цицерона и Варрона сенатор Публий Нигидий Фигул, предсказавший бедствия гражданской войны между Цезарем и Помпеем (Lucan. *Phars.*, I, 639 sqq.) и великое будущее Октавиану Августу (Suet. *Aug.*, 94), и Луций Таруций Фирман, составивший гороскопы для Ромула и города Рима (Cic. *De div.*, II, 47, 98; Plut. *Rom.*, 12; гороскоп Рима сохрнен в: Solin., I, 18; In.

Lyd. *De mens.*, 1, 14). Варрон писал об астрологии в VI книге своих *Disciplinae*.

Период нестабильности при переходе от республики к империи изменил положение предсказателей в государстве: если раньше обязанность наблюдать за знаками, посланными богами, и истолковывать их была распределена между коллегами авгуров, квиндецимвиров и гаруспиков, подконтрольных Сенату, и относилась к ведению государства, то в эпоху гражданских войн политики и полководцы старались контролировать будущее самостоятельно или с помощью состоявших при них профессионалов. Так, Октавий, коллега Цинны по консульству в 87 г. до н. э., не покинул Рим и был убит марианцами, по словам Плутарха, только из-за того, что какие-то халдейские прорицатели «убедили его, что все будет хорошо, и удержали в городе»; после убийства за пазухой у него нашли гороскоп (Plut. *Mar.*, 42). Сулла в своих мемуарах писал, что халдеи предсказали ему прекрасную жизнь и смерть на вершине счастья (Plut. *Sulla*, 37). Цицерон, критикуя астрологию, упоминает о многочисленных гороскопах, составленных для Красса, Помпея и Цезаря, согласно которым им предстояло умереть дома в постели в глубокой старости в сиянии славы (Cic. *De div.*, II, 42, 98). Светоний, тщательно фиксировавший все предсказания получения императорской власти, рассказывает о двух эпизодах, связанных с Октавианом: уже упомянутое нами пророчество Нигидия Фигула и эпизод, связанный с посещением Агриппой и Октавианом астролога Феогена, когда последний, узнав время рождения Августа, бросился к его ногам. С тех пор Август был настолько спокоен за свою судьбу, что обнаружил свой гороскоп и чеканил монеты с изображением Козерога — своего знака зодиака (Suet. *Aug.*, 94). Скорее всего, эти рассказы были частью официально одобренной легенды об Августе, как и например, его постоянные победы над Антонием при игре в кости (Plut. *Ant.*, 33), но это не означает, что это была неправда: только что приведенные слова Цицерона показывают, что вожди римского народа были засыпаны благоприятными для них гороскопами.

Символ Козерога в то время встречается не только на монетах, но и на рельефах, терракотах, ювелирных украшениях и мозаиках (Barton 1994: 40; 147). Это не только символ созвездия, под которым родился первый принцепс, но и указание на начало новой эпохи: в созвездии Козерога Солнце начинает восхождение после зимнего солнцестояния, и это

означало наступление мира после гражданских войн. Отметим, что Дион Кассий сообщает, что гороскоп Августа был опубликован не частным порядком, а в виде императорского эдикта (ἐκ προῤαφῆς τᾶσι φανερωῖται. — Dio Cass., LVI, 25, 5). Всем этим Октавиан решал свои задачи, подчеркивая, что императорская власть ему была предначертана звездами, но был и побочный эффект: престиж астрологии поднялся на непредставимый ранее уровень. В это время официальные прорицатели уступили место неофициальным советникам, авторитет которых опирался на близость к императорскому двору, и если раньше предсказатели давали пророчества о судьбе государства, то теперь они концентрировались на будущем принцепса, его родственников и окружения.

В конце правления Августа появляется первое астрологическое сочинение на латыни, сохранившееся до нашего времени — поэма Марка Манилия «Астрономика», посвященная императору (I, 7), но кому именно, Августу или Тиберию, сказать сложно (Neuburg 1993). Манилий ссылается на египетского Меркурия (Гермеса Трисмегиста) и жалуется на проблемы с передачей греческих терминов: похоже, он ничего не знал ни о переводе Цицерона, ни о трудах Нигидия Фигула, ни о сочинениях Варрона; возможно, что Манилий был астрологом не больше, чем Вергилий — земледельцем (Barton 1994: 41). В. Хейс полагает, что поэма была написана по поручению принцепса, но это маловероятно (Hayes 1959: 3). В 11 г. н.э. Август запретил всем прорицателям давать предсказания наедине и гадать о чьей-либо смерти (Dio Cass., LVI, 25, 5); причиной этого запрета, скорее всего, стали слухи о его скорой кончине. Нам ничего не известно о личных астрологах Августа, но в это время в Риме при Тиберии уже несколько лет работал Трасилл, жизнь и деятельность которого станет предметом нашего рассмотрения.

Свидетельства о жизни, занятиях и сочинениях Трасилла собраны Г. Таррантом (Tarrant 1993: 215–249). У нас нет надежных данных о том, откуда он родом: одни ученые называют Александрию (Cramer 1954: 92; Dillon 1996a: 184), другие — Родос (Dörrie 1976: 182; Glucker 1978: 123), третьи — Мендес в дельте Нила (Gundel, Gundel 1966)¹. Время его

¹ Последнее наименее вероятно. О существовании Трасилла из Мендеса мы знаем только из трактата пс.-Плутарха «О реках» (11, 4; 16, 2). Этот текст наполнен ссылками на вымышленные сочинения

рождения также неизвестно; в поле зрения историков он попадает во время пребывания Тиберия на Родосе (6 г. до н.э.—2 г. н.э.). Тацит (*Ann.*, VI, 20–21), Светоний (*Tib.*, 14) и Дион Кассий (LV, 11, 1–3) рассказывают о том, как он избежал смерти из-за подозрительности Тиберия. Детали незначительно отличаются, но в целом речь идет об одном и том же: будущий император собирался сбросить астролога со скалы как шарлатана или из-за тайн, которые ему доверил, но тот сохранил жизнь, сказав, что знает, что ему угрожает гибель. А. Краппе считал, что рассказ Тацита при всей его красочности ближе всего к изначальной версии легенды, так как астрологу подобает узнавать об опасности из наблюдений за звездами, поэтому действие должно происходить ночью на горе или в высокой обсерватории (Краппе 1927: 359–366); Р. Оливер указал на сочинения сына Трасилла как на возможный источник Тацита (Oliver 1980: 143). Так или иначе, Тиберий проникся глубокой симпатией к Трасиллу, взял его с собой в столицу и даровал римское гражданство; теперь его имя звучало как Тиберий Клавдий Трасилл (CIL 3, 7107 = IGR 4, 1392). Спустя какое-то время Трасилл достиг положения, позволявшего присутствовать на обедах Августа, причем он воспринимался не как астролог, а как грамматик. Светоний рассказывает анекдот о том, как император поставил его в неловкое положение, спросив, кому принадлежат греческие стихи, только что сочиненные им самим. Трасилл смог лишь сказать, что чьи бы эти стихи ни были, они прекрасны, чем развеселил Августа (*Suet. Aug.*, 98). Трасилл был не чужд не только грамматических, но и философских занятий; он тяготел к платонизму и неопифагореизму (*Porph. Vita Plot.*, 20–21; *In Ptolem. Harm.*, 11–15). Он создал особое учение о Логосе и занимался эпистемологией (Tarrant 1993; Dillon 1996b: 99–103). Заслуживает внимания то, что на рубеже эр Трасилл являлся едва ли не единственным платоником, жившим за пределами Александрии, хотя и происходившим, скорее всего, из нее (Dillon 1996a: 184). Его грамматические и философские занятия объединились при подготовке корпусов текстов античных мудрецов. Диоген Лаэртский сообщает, что Трасилл издал диалоги Платона, распределив их по тетралогиям и дав им двойные названия —

никогда не существовавших писателей, и не стоит отождествлять почти наверняка выдуманного автора никому больше неизвестного сочинения «О камнях» с нашим Трасиллом.

одно по имени, второе по теме (DL, III, 56–57), и сочинения Демокрита, тоже по тетралогиям (DL, IX, 41; 45). Важность этой работы трудно переоценить, порядок сочинений Платона и их подзаголовки используются по сей день (Hoerber 1957; Chroust 1965; Dunn 1976; Altman 2010). О тождественности Трасилла-астролога и Трасилла-платоника сообщают схолии к Ювеналу (*Schol. ad Juv.*, VI, 576). Трасиллу принадлежали сочинения о гармонике (Theon Smyrn. *Expos.*, 47–49), о гармонии небесных сфер (Theon Smyrn. *Expos.*, 204–205; Achill. *Intr. ad Aratum*, 16), о Солнце (Achill. *Intr. ad Aratum*, 19) и, конечно, об астрологии — его книга называлась «Таблица» (Πίναξ. — Vett. Valens. *Anth.*, IX, 10; Porph. *Isag. Tetr.*, 195 et al.)².

Дион Кассий сообщает об особом положении Трасилла при Тиберии: он постоянно присутствовал при императоре, они каждый день занимались какими-нибудь гаданиями, и скоро сам принцепс стал большим знатоком этого дела (Dio Cass., LVII, 15, 7; Juv., X, 94). Римские историки рассказывают, что Трасилл иногда вводил в заблуждение Тиберия для того, чтобы спасти жизнь кому-то из знатных римлян. Так, он убедил императора, что тот переживет его на 10 лет, поэтому Тиберий в надежде на долгую жизнь не спешил со многими смертными приговорами (Dio Cass., LVIII, 27, 2–3; 28, 1; Suet. *Tib.*, 62). Видимо, особое внимание при их астрологических занятиях уделялось тому, чтобы искать возможных претендентов на трон: «Если он обнаруживал у кого-либо какие-то выдающиеся качества или что-то внушающее надежду на высшую власть, то такого человека уничтожал он без всяких колебаний». Впрочем, он оставил в живых Гальбу, которому звезды предвещали власть, но лишь в старости (Dio Cass., LVII, 19, 3–4), и по словам Светония, когда Тиберий колебался в выборе наследника между Гаем Калигулой и Тиберием, сыном Друза, то Трасилл заявил, что Гай скорее на конях пересечет Байский залив, чем станет императором (Suet. *Calig.*, 19; cf. Tac. *Ann.*, VI, 46). В 16 г. н.э. состоялось очередное изгнание из Рима астрологов и магов, связанное с заговором Либона Друза, который увлекался в том числе и «предсказаниями халдеев» (Tac. *Ann.*, II, 27); Светоний дополняет это сообщение информацией о том, что те из них, «кто просил прощения и обещал

² Реальность сочинения Трасилла «О камнях» вызывает у нас большие сомнения (см. прим. 1).

оставить свое ремесло», могли остаться в городе (Suet. *Tib.*, 36). Нет нужды говорить, что все эти меры не коснулись Трасилла.

Нам хорошо известно о семейной жизни Трасилла: благодаря своему положению астролога и доверенного лица принцепса он был в центре событий почти всего правления Тиберия (Cramer 1954: 94–95; Barton 1994: 43). Трасилл, скорее всего, был женат на коммагенской принцессе, чье имя восстанавливается как Ака (SIG III, 4730). Его сын Тиберий Клавдий Бальбил унаследовал профессию и место отца, став придворным астрологом Клавдия, Нерона и Веспасиана (Tac. *Ann.*, VI, 22; Suet. *Nero*, 36); кроме этого, он исполнял и другие весьма важные должности, например, был главой александрийской библиотеки (Sichorius 1927; Cramer 1954: 95). Дочь Трасилла вышла замуж за всадника Луция Энния примерно в 15 г. н. э., и когда Эннию в 22 г. было предъявлено обвинение в оскорблении императора из-за того, что он переплавил статую принцепса в серебряную утварь, Тиберий своей волей остановил процесс (Tac. *Ann.*, III, 70, 2). Энния, внучка Трасилла от этого брака, стала женой Невия Сутория Макрона, всадника, который фактически исполнял обязанности регента Тиберия в последние годы его жизни. Макрон принимал деятельное участие в ликвидации заговора Сеяна, а затем принял сторону Гая и во многом обеспечил ему трон; он побудил свою жену стать любовницей Калигулы (Tac. *Ann.*, VI, 45). Позже они оба были принуждены к самоубийству Калигулой (Dio Cass., LIX, 10, 6).

В последующие времена о Трасилле помнили не только профессиональные астрологи, и это может дать ключ к пониманию его восприятия римлянами и оценки его роли при дворе Тиберия. У Ювенала в «Сатирах» он упомянут как знаменитый астролог прошлого рядом с легендарным Петосирисом (Juv., VI, 576–581). Позже Фемистий назвал Трасилла придворным философом Тиберия и сравнил его с Арием Дидимом при Августе и Дионом Хризостомом при Траяне (*Or.*, V, 63d; cf. XI, 173b). В другом месте он специально подчеркнул, что ни Август Ария, ни Сципион Панетия, ни Тиберий Трасилла не привлекали к государственным делам, но держали при себе только как зрителей (*Or.*, XXXIV, 31d–32a). Император Юлиан далек от такой сдержанности. В Послании к Фемистию он вспоминает о Трасилле менее лестно: для него это философ, который, сблизившись с Тиберием, до конца жизни покрыл себя несмываемым позором, причем не стал оправдывать себя в сочинениях, показав, что не ценил мнение сограждан (265b–d).

О чем мог беседовать император со своим звездочетом? Сразу заметим, что вряд ли они обсуждали текущие политические вопросы. Тиберий в этих делах абсолютно точно не нуждался в оценках или советах астролога, грамматика и философа, особенно с учетом его семейных связей. Только в первый, родосский период их знакомства, пасынок императора мог доверить астрологу какие-то свои надежды и чаяния, о чем, впрочем, быстро пожалел (Dio Cass., LV, 11, 1–3). Более вероятно, что Трасилл мог привлекаться для консультаций «по специальности»: вспомним приведенные выше свидетельства Диона Кассия и Светония о поиске возможных преемников и определении продолжительности жизни людей из окружения принцепса³. Даже здесь у звездочета не было особого пространства для маневра: крайне недоверчивый и подозрительный Тиберий, будучи знатоком астрологии, мог или сам перепроверить выкладки Трасилла, или поручить сделать это другим профессионалам. Надо полагать, что спасшее жизни нескольких знатных римлян утверждение о том, что император умрет через 10 лет после астролога, основывалось на таком расположении звезд, которое давало безусловную возможность для такой интерпретации. Ф. Крамер в свое время попытался доказать важную роль Трасилла в политических интригах, считая его «силой за троном»: сначала он объединился с Сеяном, интриговавшим против Друза, но потом способствовал его падению и возвышению своего родственника Макрона (Cramer 1954: 103 ff.), но во-первых, у нас нет ни одного свидетельства в пользу этого, а во-вторых, к этому времени Трасилл уже достаточно хорошо изучил особенности характера своего покровителя, чтобы так рисковать ради неясных целей, ведь никто из последующих авторов не критиковал астролога за вмешательство в политику, коррупцию или алчность. В последние годы жизни Тиберия на Капри Трасилл был одной из ключевых фигур в окружении императора. Велик соблазн предположить существование придворной группировки, действовавшей в интересах Калигулы, куда входили бы он, Макрон и Энния, но опять-таки, никаких свидетельств о ней у нас нет. Трасилл, скорее всего, знал о замыслах своей внучки и ее мужа, но сам

³ Мы знаем, что одной из астрологических «специализаций» Бальбила, сына Трасилла, было определение продолжительности жизни человека; возможно, интерес к этой области был унаследован им от отца (Beck 2007: 130–131; Tolsa 2017: 209–210).

едва ли принимал какое-то участие в их составлении или проведении в жизнь.

Как нам кажется, Тиберия и Трасилла мог сближать общий интерес даже не к астрологии, а к философии, размышлениям о вселенском детерминизме, и составление гороскопов было не главной целью их занятий, а лишь инструментом постижения мира. По словам Светония, Тиберий мало заботился о богах, так как был привержен астрологии и верил, что все решает судьба (*Suet. Tib.*, 69), и этот фатализм, кажется, был то ли следствием, то ли причиной чего-то вроде подавленности и депрессии (*Tac. Ann.*, VI, 6). Как показал Г. Таррант, Трасилл был вполне самостоятельным философом, ярким представителем среднего платонизма, интересующимся неопифагореизмом (Tarrant 1993). Не все из реконструкций Тарранта следует безоговорочно принимать, многое, как он сам признает, остается только гипотезами, и не все историки философии во всем с ним согласны (Dillon 1996b). Тем не менее, нам хотелось бы обратить внимание на два момента, связанных с философскими воззрениями Трасилла и его взглядами на рок и предопределенность — вопросами, которые не были в центре внимания самого Платона, но вызывавшими интерес и споры у его последователей. Первый — стоицизирующее платоническое учение Трасилла о Логосе, очень похожее на то, что мы видим у Филона, и аналогичное учению Никомаха из Герасы (II в. н. э.). Этот Логос придает форму материи и при его посредстве Бог управляет всем сущим, ничто не может случиться без его воли. Понятие Логоса фундаментально важно для учения о предопределении, в частности, оно создает основу для любой дивинаторной практики. Темы судьбы, причины, свободы воли появляются у Антиоха Аскалонского (Dillon 1996a: 84–90), Посидония (Dillon 1996a: 109–110) и других платоников конца II–I вв. до н. э., и Трасилл продолжал линию развития платонизма, связанную со влиянием стоиков. Второй — это возможные интерполяции в текст платоновских диалогов, сделанные Трасиллом, в частности, в «Тимей». В качестве примера можно привести пассаж, где говорится о хороводах небесных тел, которые «посылают знамения грядущего» (40b–d). Здесь много неясного, об этом говорит Таррант, но то, что версии «Тимея», которыми пользовались предшественники Трасилла, могли отличаться от того варианта, которым располагаем мы, вполне вероятно. Является ли его деятельность исправлением ранее испорченного текста, или он делает какие-то вставки от себя, вопрос спорный.

Платоники без особого трепета относились к текстам своего учителя (Tarrant 1993: 193–197). Так или иначе, эти и подобные им вопросы на границе философии и грамматики могли занимать Тиберия, «постоянного посетителя философских школ и чтений» во времена родосского изгнания и знатока благородных искусств на обоих языках (Suet. *Tib.*, 11; 70), и он мог обсуждать их с Трасиллом, чередуя теоретические рассуждения о роке и философии с практическими занятиями астрологией. Остальные обычные для того времени темы декламаций философов, связанные с этикой или политикой, очевидно, мало подходили для бесед с императором, и было разумно держаться от них подальше (Tarrant 1993: 8–9).

Трасилл дает нам хороший пример изменений, которые происходили в религиозной жизни ранней империи. Хотя традиционные римские институты сохранялись, все большее значение получали независимые эксперты, специализирующиеся на относительно новых для греко-римского мира практиках. Их успех зависел от способности произвести впечатление на клиентов, представить в выгодном свете свои знания и навыки, указать на древний авторитетный источник своей мудрости (в случае астрологии это Гермес Трисмегист) и при необходимости дать им философское обоснование. Трасилл использовал все это для того, чтобы добиться сначала расположения, а затем и настоящей дружбы Тиберия. Впрочем, императором в его интересе к астрологии двигало не просто любопытство или стремление узнать будущее, но и несколько вполне рациональных мотивов. Обращение к звездам давало дополнительную санкцию для его политических решений, демонстративное постоянное присутствие Трасилла при запрете занятий астрологией для прочих жителей империи подчеркивало его особый статус еще со времен Августа, наконец, старые римские коллегии гаруспиков и авгуров были слишком тесно связаны с сенатской знатью, с которой у Тиберия были, как известно, не самые простые отношения.

Литература

- Antonets, E. V. 2021: [The structure of the period in Cicero's *Aratea*]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 25, 55–68.

- Антонец, Е. В. 2021: О структуре периода в «Aratea» Цицерона, *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25, 55–68.
- Altman, W. H. F. 2010: The Reading Order of Plato's Dialogues. *Phoenix* 64, 18–51.
- Barton, T. 1994: *Ancient Astrology*. London; New York.
- Beck, R. 2007: *A Brief History of Ancient Astrology*. Oxford.
- Chroust, A.-H. 1965: The Organization of the Corpus Platonicum in Antiquity. *Hermes* 93, 34–46.
- Cichorius, C. 1927: Der Astrologe Ti. Claudius Balbillus, Sohn des Thrasyllus. *Rheinisches Museum für Philologie* 76, 102–05.
- Cramer, F. H. 1954: *Astrology in Roman Law and Politics*. Philadelphia.
- Dillon, J. 1996a: *The Middle Platonists*². Ithaca.
- Dillon, J. 1996b: Thrasyllus and the Logos. *Apeiron* 29, 99–103.
- Dörrie, H. 1976: *Platonica minora*. Munich.
- Dunn, M. 1976: Iamblichus, Thrasyllus and the Reading Order of the Platonic Dialogues. In: R. B. Harris (ed.). *The Significance of Neoplatonism*. Norfolk, 59–80.
- Glucker, J. 1978: *Antiochus and the Late Academy*. Göttingen.
- Gundel, W., Gundel, H. J. 1966: *Astrologoumena: Die astrologische Literatur in der Antike und ihre Geschichte*. Wiesbaden.
- Hayes, W. M. 1959: Tiberius and the Future. *Classical Journal* 55, 2–8.
- Hoerber, R. G. 1957: Thrasyllus' Platonic Canon and the Double Titles. *Phronesis* 2, 10–20.
- Krappe, A. H. 1927: Tiberius and Thrasyllus, *American Journal of Philology* 48, 359–366.
- MacMullen, R. 1966: *Enemies of the Roman Order. Treason, Unrest, and Alienation in the Empire*. Cambridge.
- Neuburg, M. 1993: Hitch Your Wagon to a Star: Manilius and His Two Addressees. *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici* 31, 243–283.
- Oliver, R. P. 1980: Thrasyllus in Tacitus (Ann, 6.21). *Illinois Classical Studies* 5, 130–148.
- Panteleev, A. D. 2020: [“They Would Never Approach an Assembly of Wise Men”: Sophists, Anti-Sophists, and Early Christianity]. *ISTORIYA* 11, 6 (92) [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/s207987840010542-5-1/>. DOI: 10.18254/S207987840010542-5
- Пантелеев, А. Д. 2020: «Они никогда не присоединяются к собранию разумных людей»: софисты, лже-софисты и раннее христианство. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 11, 6 (92).

- Potter, D. 1994: *Prophets and Emperors: Human and Divine Authority from Augustus to Theodosius*. Cambridge.
- Ripat, P. 2011: Expelling Misconceptions: Astrologers At Rome. *Classical Philology*, 106, 115–154.
- Smith, M. 1978: *Jesus the Magician: Charlatan or Son of God?* San Francisco.
- Tarrant, H. 1993: *Thrasyllan Platonism*. Ithaca.
- Tolsa, C. 2017: Time of Birth and Ascendant in the Papyrus Horoscopes. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 204, 209–220.
- Wendt, H. 2016: *At the Temple Gates. The Religion of Freelance Experts in the Early Roman Empire*. Oxford.